

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/cfnofq>

Враждебность и факторы суицидального риска у подростков

Азарова Елена Александровна

Южный федеральный университет, Россия, Ростов-на-Дону

eLibrary Author SPIN: 9596-1813

<https://orcid.org/0000-0003-0548-6006>

Scopus Author ID: 57223930646

Вышквыркина Мария Александровна

Южный федеральный университет, Россия, Ростов-на-Дону

eLibrary Author SPIN: 2143-5077

<https://orcid.org/0000-0001-7023-9736>

Scopus Author ID: 567865010000

mavyshkvyrkina@sfedu.ru

Аннотация: Рассмотрены некоторые аспекты суицидального риска и враждебности современных подростков, которая может выступать потенциальным маркером деструктивного поведения. Цель – выявить выраженность суицидального риска у подростков с разным уровнем враждебности и взаимосвязь между враждебностью и факторами суицидального риска. Задачи имплицитно выводятся из методологии и структуры работы: диагностика уровня враждебности у подростков (с использованием шкалы враждебности W. Cook, D. Medley в адаптации Л. Н. Собчик); оценка выраженности факторов суицидального риска (с помощью опросника суицидального риска А. Г. Шмелева в модификации Т. Н. Разуваевой); сравнение показателей суицидального риска между группами подростков с разным уровнем враждебности (с применением U-критерия Манна-Уитни); анализ взаимосвязи между уровнем враждебности и факторами суицидального риска (корреляционный анализ Спирмена). Исследование проводилось на базе Ростовского торгово-экономического колледжа. В исследовании принял участие 91 студент колледжа в возрасте 16–17 лет. Доказано существование достоверно значимых различий в степени выраженности четырех факторов суицидального риска: аффективность ($U = 452,000$; $p = 0,011$), несостоятельность ($U = 350,500$; $p < 0,001$), слом культурных барьеров ($U = 500,500$; $p = 0,026$), временная перспектива ($U = 370,000$; $p < 0,001$) (эти показатели наиболее выражены в группе подростков со средним уровнем враждебности с тенденцией к высокому). Уровень враждебности положительно коррелирует с такими факторами суицидального риска, как демонстративность ($r = 0,500$; $p < 0,001$), аффективность ($r = 0,395$; $p < 0,001$), уникальность ($r = 0,318$; $p = 0,002$), несостоятельность ($r = 0,510$; $p < 0,001$), слом культурных барьеров ($r = 0,287$; $p = 0,006$), временная перспектива ($r = 0,538$; $p < 0,001$). Показатели антисуицидального фактора в обеих группах (со средним уровнем враждебности с тенденцией к низкому; со средним уровнем враждебности с тенденцией к высокому) говорят о возможности психокоррекционной и профилактической работы.

Ключевые слова: враждебность, суицид, суицидальный риск, суицидальное поведение, факторы суицидального риска, подростковый возраст

Цитирование: Азарова Е. А., Вышквыркина М. А. Враждебность и факторы суицидального риска у подростков. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 5. С. 824–837. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-824-837>

Поступила в редакцию 14.02.2025. Принята после рецензирования 27.06.2025. Принята в печать 30.06.2025.

full article

Hostility and Suicidal Risk Factors in Teenagers

Elena A. Azarova

Southern Federal University, Russia, Rostov-on-Don

eLibrary Author SPIN: 9596-1813

<https://orcid.org/0000-0003-0548-6006>

Scopus Author ID: 57223930646

Maria A. Vyshkvyrkina

Southern Federal University, Russia, Rostov-on-Don

eLibrary Author SPIN: 2143-5077

<https://orcid.org/0000-0001-7023-9736>

Scopus Author ID: 56786501000

mavyshkvyrkina@sfnedu.ru

Abstract: Hostility correlates with suicidal behavior in teenagers and can serve as a self-harm risk marker. Suicidal risk may depend on hostility level while hostility may be associated with different factors of suicidal risk. In this study, the level of hostility was measured using W. Cook and D. Medley's Hostility Scale (adapted by L. N. Sobchik). The severity of suicidal risk factors was defined with the help of A. G. Shmelev's Suicidal Risk Questionnaire (modified by T. N. Razuvaeva). The comparative analysis of suicidal risks across groups with different hostility levels relied on the Mann–Whitney U-test. The Spearman's correlation analysis revealed the levels of hostility and suicidal risk factors. The study involved students of the Rostov Trade and Economic College ($n = 91$; 16–17 y.o.). The research revealed significant differences in the severity of four suicidal risk factors: affectivity ($U = 452.000$; $p = 0.011$), inadequacy ($U = 350.500$; $p < 0.001$), breakdown of cultural barriers ($U = 500.500$; $p = 0.026$), and temporal perspective ($U = 370.000$; $p < 0.001$). These indicators were most prominent in adolescents with moderate but growing hostility. The level of hostility positively correlated with such factors of suicidal risk as demonstrativeness ($r = 0.500$; $p < 0.001$), affectivity ($r = 0.395$; $p < 0.001$), uniqueness ($r = 0.318$; $p = 0.002$), inadequacy ($r = 0.510$; $p < 0.001$), breakdown of cultural barriers ($r = 0.287$; $p = 0.006$), and temporal perspective ($r = 0.538$; $p < 0.001$). The indicators of the anti-suicidal factor in both groups (with an average but decreasing hostility; with an average but growing hostility) suggested the need for psychocorrectional and preventive support.

Keywords: hostility, suicide, suicide risk, suicidal behavior, suicide risk factors, adolescence

Citation: Azarova E. A., Vyshkvyrkina M. A. Hostility and Suicidal Risk Factors in Teenagers. *SibScript*, 2025, 27(5): 824–837. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-824-837>

Received 14 Feb 2025. Accepted after peer review 27 Jun 2025. Accepted for publication 30 Jun 2025.

Введение

По актуальности исследований проблема суицида в подростковой среде занимает одно из первых мест наряду с проблематикой аддиктивного поведения и немотивированного насилия. Официальная статистика учитывает только очевидные или доказанные суициды, в связи с этим проблема носит латентный характер. Реальная статистика значительно отличается от официальной. В России ежегодно регистрируется около 4000 суицидальных попыток и 1500 завершённых самоубийств [Bellman, Namdev 2022]. По данным следственного комитета России, в 2021 г. подростки совершили 753 самоубийства (2018 г. – 788, 2019 г. – 737, 2020 г. – 548). Число суицидальных попыток среди них с 2018 по 2021 г. увеличилось на 13 %, а число повторных попыток – на 92,5 %¹ [Голенков и др. 2023].

Суицидальная активность наблюдается в возрасте от 14 до 19 лет. Подростки в настоящее время характеризуются эмоциональной неустойчивостью, аксиологическим нигилизмом, утратой смысла жизни, цифровым аутизмом, сужением поля социальных контактов, зачастую дисфункциональными детско-родительскими отношениями, немотивированной агрессией и жестокостью, отсутствием эмпатии и др.

А. Е. Личко и А. А. Александров выделяют три типа суицидального поведения среди подростков: демонстративное, аффективное и истинное [Личко, Александров 1974]. Е. Шир отмечает, что половина всех суицидальных попыток среди подростков являются демонстративными. В этих случаях отсутствует намерение умереть, но присутствует демонстративное

¹ Ламова Е. В России выросло число детских суицидов и попыток. *РБК*. 07.07.2022. URL: <https://www.rbc.ru/society/07/07/2022/62c594289a7947eece23ead6> (дата обращения: 10.01.2025).

привлечение внимания к своей персоне по причине отсутствия признания и пр. Драматургия суицида как психологического феномена заключается в сложности интерпретации истинных и демонстративных намерений расстаться с жизнью [Шир 1984].

В. В. Руженкова и В. А. Руженков отмечают отсутствие четких границ между шантажом и истинным суицидальным намерением, наличие сомнительного ситуативного мотива, подверженность подростка внешним провокативным факторам, наличие эффекта солидарности при низком уровне прогностических способностей и слабом осознании перспективы своих действий [Руженкова, Руженков 2011]. Увлечение компьютерными играми с смертельной тематикой обесценивает жизнь и уничтожает элементарное чувство безопасности [Короткова, Горюшкин 2018; Руженкова, Руженков 2011; Сухинин, Яковлева 2012], но при этом повышает уровень общей тревожности и средний уровень субъективного ощущения одиночества [Иванова 2020].

Суицидальное поведение и суицид – сложное системное явление, и риск совершения самоубийства формируется под воздействием множества провокативных факторов (дистальных и проксимальных), при этом драматический выбор делает сам человек с учетом его внутреннего содержания и внутреннего отклика на происходящее. Дистальные факторы могут включать генетические, личностные (импульсивность и агрессивность), а также пренатальные и перинатальные особенности, детские травмы, нейробиологические нарушения. Проксимальные факторы включают психические и соматические заболевания, психосоциальные кризисы, употребление психоактивных веществ и склонность к суицидальному поведению [Hawton et al. 2012].

К. Роджерс отмечал, что несоответствие между Я-концепцией и общим переживанием может привести к суицидальным тенденциям [по: Кузнецова, Руденко 2018]. Л. Э. Кузнецова и К. А. Дризгалина выявили ряд индивидуально-психологических суицидогенных особенностей личности: депрессивность, склонность к фазовым изменениям настроения, кататоническая возбудимость, паранойяльность, которая проявляется в склонности подростков застревать на проблеме и драматизировать происходящее вокруг них, тревожность, пессимизм, преобладание мотивации избегания неудач, эмоциональная неустойчивость, импульсивность, зависимость, низкая адаптивность, пассивность и др. Подростки гиперболизируют самообвинение и минимизируют

ответственность других. В результате они не чувствуют удовлетворения от самореализации, уверенность в себе снижается, смысл жизни утрачивается [Кузнецова, Дризгалина 2019].

О. Ю. Гроголева эмпирическим путем доказывает, что нарушение личностных границ подростка и отсутствие самореализации могут привести к невротизации и депрессии, которые могут быть связаны с суицидальными мыслями [Гроголева 2019].

Исследование множества факторов риска суицидального поведения тем не менее не дает четкого представления, по какой траектории в психике и сознании человека происходит движение от суицидальной мысли до суицидального действия. И все же исследования свидетельствуют как о сугубо индивидуальной траектории каждого суицидального случая [Евсеенкова 2019; Узлов, Семенова 2017], так и об общих маркерах суицидальной склонности, к которым некоторые ученые относят территориальные факторы, гендерные и возрастные особенности [Азарова 2016; Басалаева, Захарова 2016; Карпова, Бархатова 2014; Cha et al. 2018; Diamond et al. 2010]. Э. Шнейдман выделяет несколько общих признаков: копинг – поиск решения проблемы, невыносимая душевная боль, беспомощность [Шнейдман 2001].

В итоге в научной литературе отмечены попытки систематизации и классификации суицидальной склонности (мыслей), риска и поведения. В настоящее время специалисты используют специальную оценку суицидального риска, который включает понятия *суицид, суицидальные попытки, тенденции и проявления* [Мальцев 2018; Положий 2015].

Зарубежные исследования дополняют отечественные работы новеллами в контексте изучения связи склонности к суицидальному поведению с достаточно позитивными, на первый взгляд, психологическими феноменами. К. Hawton, К. Е. А. Saunders и Р. С. O'Connor обнаружили связь склонности к суицидальному поведению с высоким уровнем перфекционизма, который может приводить к повышенной тревожности, депрессии, разочарованию окружающей действительностью, что может спровоцировать суицид как протестную форму поведения [Hawton et al. 2012]. J. A. Bridge, T. R. Goldstein и D. A. Brent исследовали роль гендерных различий в склонности к суицидальному поведению и обнаружили, что мужчины чаще совершают суицид, но у женщин чаще встречается склонность к суицидальному поведению, особенно в период менопаузы [Bridge et al. 2006]. А. L. Beautrais выявила, что физическое насилие может повышать

риск суицидального поведения у подростков, особенно у тех, кто испытывает депрессию и тревожность [Beautrais 2003]. Некоторые авторы отмечают связь эмоциональной нестабильности, деформации межличностных отношений в подростковом возрасте, школьный буллинг как провокативные факторы суицидального риска, анализируя данные мониторинга факторов суицидального риска подростков из 90 стран [Campisi et al. 2020; Miranda-Mendizabal et al. 2019; Van Orden et al. 2010].

В целом проблема склонности подростков к суицидальному риску требует широкой общественной и научной поддержки, а также участия специалистов в области психологии, педагогики и медицины для предотвращения негативных последствий и помощи в решении возникающих проблем [Зотов 2017].

Изучая проблему факторов суицидального риска, авторы отмечают наличие немотивированной агрессии у подростков, пренебрежение жизнью, что заставляет предположить наличие определенного уровня враждебности личности, склонной к суициду. Однако феноменология враждебности неоднозначна. В исследованиях А. Н. Buss и А. Durkee, J. C. Barefoot, П. Куттера присутствует трактовка враждебности как обиды и подозрительности. Исследователи считают, что их возникновение определяется через призму когнитивного компонента, что приводит к появлению враждебных реакций по отношению к внешнему миру (к людям, предметам и явлениям) наравне с агрессивным состоянием и гневом, которые в свою очередь выполняют роль эмоционального и поведенческого компонентов [Куттер 2004; Barefoot 1992; Buss, Durkee 1957].

В контексте картины мира, конкретизируя типы враждебного отношения, С. О. Кузнецова и соавторы выделяют персональную и имперсональную враждебность с точки зрения ее объекта. Для персональной враждебности характерно негативное отношение к себе и другим людям, а для имперсональной – к предметам, явлениям и ситуациям, абстрактным конструктам. Особое внимание стоит уделить абстрактной враждебности, под которой понимается негативное отношение к будущему, новой жизни [Кузнецова и др. 2014]. Данная концепция комплиментарна представлению В. Н. Мясичева о том, что формирование враждебности происходит в процессе взаимодействия с ее объектом и впоследствии задает пристрастность при восприятии других объектов.

Основываясь на концептуальной модели враждебности как отношения к внешнему миру, Т. W. Smith

подчеркивает, что враждебность, будучи устойчивой и продолжительной, может быть отнесена к чертам характера, возникающим на основе убеждений личности [Smith 1992].

Э. Фромм, рассматривая макро- и микросоциальные истоки враждебности, отмечает, что формирование враждебной позиции по отношению к жизни происходит на фоне социальных условий, которые в свою очередь провоцируют формирование отрицательных черт характера [Фромм 2016].

По мнению Р. Мэй, гипоопека со стороны родителей способствует формированию враждебности. В случае, если родитель препятствует развитию автономности и самостоятельности ребенка, то происходит формирование базового недоверия к миру, порождающего враждебность по отношению к ближайшему окружению или миру в целом [Мэй 2012].

К. Э. Изард определяет триаду враждебности, базис которой составляют гнев, презрение и отвращение. Эти три эмоции независимо от комбинации могут быть аффективным компонентом враждебности. Враждебность также состоит из мыслей и образов, которые имеют связь с желанием нанести вред объекту враждебности [Изард 2021].

Личностный показатель враждебности проявляется через стабильную интеракцию любой из этих трех эмоций с когнитивными структурами. Несомненно, проблемой для человека будет управление гневом, отвращением и презрением. Это будет проявляться в нарушениях адаптации и развитии психосоматических симптомов, которые будут возникать в результате нерегулируемого воздействия этих эмоций на мышление личности.

В рамках отечественных исследований подтверждена роль враждебности как предиктора суицидального риска, присутствует трактовка враждебности как комплекса установок, провоцирующего аутоагрессию [Банников и др. 2018; Бохан и др. 2020; Суботич, Холмогорова 2023; Чистопольская, Ениколопов 2025].

В исследованиях Г. С. Банникова, О. В. Вихристюк и Н. Ю. Федунинной отмечается снижение уровня враждебности и сокращение суицидальных мыслей благодаря КПТ (тренинг когнитивной гибкости и техника рефрейминга гнева соответственно) [Банников и др. 2018; Вихристюк 2020].

Таким образом, мы можем отметить, что враждебность – это сложный и многомерный психологический феномен, рассматриваемый как комплекс негативных отношений к воспринимаемым объектам, предметам

и явлениям реальности. Для нее характерны выраженность, осознанность, генерализация, резистентность и пролонгация. Кроме того, мы можем отметить, что ее формирование происходит в процессе взаимодействия с ее объектом, а затем это формирует пристрастность при восприятии любых новых объектов.

Цель – выявить выраженность суицидального риска у подростков с разным уровнем враждебности и взаимосвязь между враждебностью и факторами суицидального риска. Мы предположили, что враждебность взаимосвязана с факторами суицидального риска. Задачи исследования имплицитно выводятся из методологии и структуры работы: диагностика уровня враждебности у подростков (с использованием шкалы враждебности W. Cook, D. Medley в адаптации Л. Н. Собчик); оценка выраженности факторов суицидального риска (с помощью опросника суицидального риска А. Г. Шмелева в модификации Т. Н. Разуваевой); сравнение показателей факторов суицидального риска между группами подростков с разным уровнем враждебности (с применением U-критерия Манна-Уитни); анализ взаимосвязи между уровнем враждебности и факторами суицидального риска (корреляционный анализ Спирмена).

Методы и материалы

Исследование проводилось на базе государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения Ростовской области «Ростовский торгово-экономический колледж». В исследовании принял участие 91 студент колледжа в возрасте 16–17 лет.

Для достижения поставленной цели и проверки высказанных предположений был использован следующий психодиагностический инструментарий: Опросник суицидального риска (А. Г. Шмелев, в модификации Т. Н. Разуваевой) [Диагностика личности 1993; Распопин 2019]; Шкала враждебности (W. Cook, D. Medley, в адаптации Л. Н. Собчик) [Барканова 2009].

Для обработки результатов исследования применяли методы статистического анализа: частотный анализ, описательная статистика. Так как одновыборочный критерий Колмогорова-Смирнова показал, что распределение выборок значимо отличается от нормального для большинства переменных ($p < 0,05$), были применены непараметрические критерии статистической обработки данных: для сравнения групп использовался U-критерий Манна-Уитни, а для корреляционного анализа – коэффициент Спирмена. Обработка осуществлялась с помощью пакета статистических программ для гуманитарных наук IBM SPSS Statistics 27.0.

Результаты

Анализ полученных данных выявил, что 40,7 % подростков свойственен средний уровень враждебности с тенденцией к низкому, т.е. эти подростки в меньшей степени испытывают негативные чувства по отношению к окружающим, что говорит об умеренно выраженной направленности к возникновению чувства разочарования в людях, меньшей степени раздражительности, которая может возникать из-за гордыни, менее выраженном чувстве неприязни и желании давать оценочные суждения личностным качествам, поступкам, внешности других людей.

Средний уровень враждебности с тенденцией к высокому выявлен у 40,7 % подростков, что свидетельствует о склонности к обидам, разочарованиям, гневу. Они испытывают широкий спектр разнообразных негативных эмоций и чувств по отношению к другим людям и в первую очередь неприязнь, разочарование, склонность к соперничеству, раздражительность. Выраженная враждебность в подростковом возрасте может быть вызвана как завышенной самооценкой, тщеславием, так и внутриличностным конфликтом, высоким уровнем стресса, вызванным учебной нагрузкой, необходимостью соответствовать ожиданиям других, личными проблемами. Они склонны к пересудам и сплетням, обсуждениям третьих лиц за их спиной, что является формой проявления негативных эмоций по отношению к другим людям.

У 7,7 % подростков выявлен низкий уровень враждебности, т.е. эти подростки практически не проявляют негативные эмоции и чувства по отношению к окружающим, склонны позитивно воспринимать других людей, несмотря на их недостатки и оплошности, редко испытывают неприязнь и разочаровываются в людях.

10,9 % опрошенных подростков демонстрируют высокий уровень враждебности, что говорит о ярко выраженном негативном отношении к окружающим, неспособности справляться с раздражительностью, разочарованием или стрессом, что приводит к вспышкам гнева и агрессии, в непреодолимом желании давать негативные оценки другим людям, вешать на них ярлыки, давать им обидные прозвища. Как правило, такие подростки создают неформальные группировки и буллит тех, кто им не нравится, каким-то образом не разделяет их точку зрения или является более успешным, способным, обеспеченным, умным. Подростки с высоким уровнем враждебности, как правило, ведут за собой более слабых,

менее уверенных в себе сверстников, таким образом самоутверждаясь в неформальной девиантной группе. Их поведение носит дезадаптивный характер. В выборке таких подростков оказалось 10 человек, на наш взгляд, это достаточное количество обучающихся, требующих более тщательной диагностики и пристального внимания с целью предупреждения формирования девиантного поведения и негативного воздействия на окружающих.

В нашем дальнейшем исследовании подростки с низким и высоким уровнем враждебности участие не принимали в связи с малочисленностью групп. Таким образом, на основании полученных данных были выделены две группы исследования: 1 группа – подростки со средним уровнем враждебности с тенденцией к низкому; 2 группа – подростки со средним уровнем враждебности с тенденцией к высокому.

Исследование факторов суицидального риска в сформированных группах позволило выявить низкие показатели по шкалам *демонстративность*, *уникальность*, *несостоятельность* и *временная перспектива* в группе с тенденцией к низкому уровню враждебности выявлены, т. е. эти подростки в меньшей степени являются носителями демонстративности как истероидной черты характера, сущностью которой является привлечение внимания к себе необычными, опасными действиями и высказываниями при отсутствии других социально приемлемых способов. В группе подростков с тенденцией к высокому уровню враждебности *демонстративность* и *уникальность* также находятся на низком уровне (статистических различий не обнаружено). Сочетание слабовыраженных демонстративности

и уникальности является закономерным и отмечалось в работах разных авторов. Можно сказать, что подростки обеих групп не чувствуют себя уникальными и неповторимыми, у них не выражен культ своей внешности или способностей, в связи с этим у них отсутствует культ тщеславия, себялюбия, эгоизма, их сложно зацепить словом, насмешкой, они не обидчивы, способны устанавливать позитивные контакты и взаимодействие. С ними можно строить доверительные отношения. Низкий показатель по шкале *уникальность* свидетельствует о возможности подростков использовать свой и чужой опыт, они обладают сообразительностью, когнитивной гибкостью, что дает им возможность посмотреть на определенные события жизни с разных точек зрения. Можно обобщить, что рациональность превалирует над эмоциями (рис. 1).

Низкие показатели по шкалам *несостоятельность* и *временная перспектива* у подростков со средним уровнем враждебности с тенденцией к низкому, являющимся концептуальными, содержательными характеристиками, относящимися и к интеллектуальной, и к волевой сферам, являются регуляторами поведения, общения, деятельности и познания личности. Это те феноменальные особенности, которые способствуют самостоятельности и ответственности за принятые решения, т. е., по сути, базовые качества зрелой взрослой личности. По Т. Н. Разуваевой, *несостоятельность* – это отрицательная концепция собственной личности, которая хорошо сочетается с содержательной стороной уникальности [Диагностика личности 1993]. В этой группе подростков показатели по данным факторам показывают,

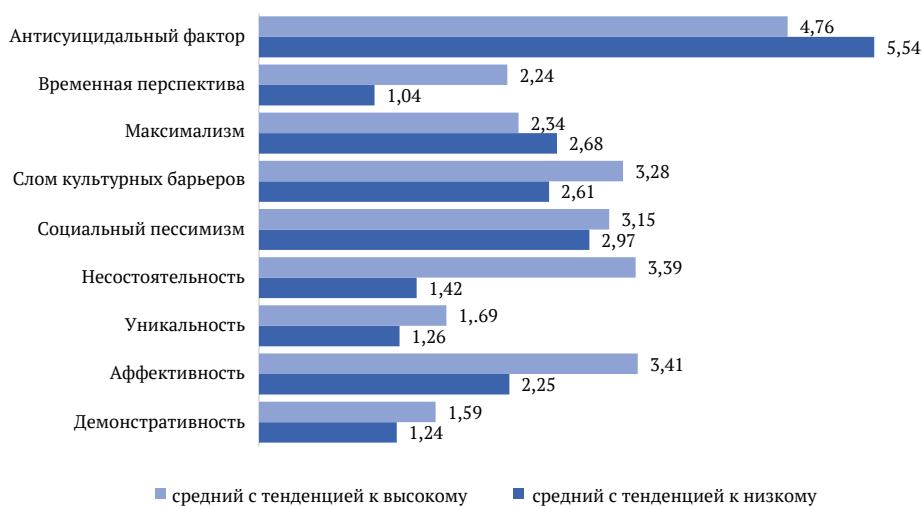

Рис. 1. Факторы суицидального риска у подростков с разным уровнем враждебности, в среднем по группе
Fig. 1. Suicidal risk factors in teenagers with different hostility levels, mean value

что у них отсутствует комплекс неполноценности. Они чувствуют и понимают свою нужность, состоятельность, компетентность, что может выражаться в академической успеваемости, хобби, волонтерской деятельности. То есть человек включен в жизнь, в социум, он востребован. При этом отметим, что зрелая личность, личность с высоким уровнем субъективного благополучия с оптимизмом смотрит в будущее, это личность, способная планировать свою деятельность, прогнозировать результат и возможные риски во избежание непредвиденной фрустрации. Низкие показатели по шкале *временная перспектива* свидетельствуют о потенциале планировать будущее, что способствует формированию положительной мотивации достижения, адекватной самооценки и уровня притязаний. Этот фактор, имея низкий показатель, логично сочетается с содержательной характеристикой по шкале *несостоятельности*, в данном случае с положительной концепцией собственной личности, следовательно, эти подростки достаточно самостоятельны, решительны, ответственны, способны к планированию, к установлению эффективного взаимодействия, уверены в себе. Показатели по этим факторам в группе подростков с тенденцией к высокому уровню враждебности статистически значимо выше ($x = 3,39$ балла и $x = 2,24$ балла соответственно), несмотря на то что находится в зоне средних значений ($U = 350,500$; $p < 0,001$ и $U = 370,000$; $p < 0,001$ соответственно).

На среднем уровне у подростков с тенденцией к низкому уровню враждебности выражены *аффективность, слом культурных барьеров, максимализм и социальный пессимизм*. Перечисленные показатели входят в аффективный компонент, обобщающий весь эмоциональный мир человека. Этим понятием обозначается готовность реагировать на психотравму именно эмоционально, но в данном случае приоритет остается за интеллектом. Таким образом, можно говорить о ситуативной эмоциональности, что в общем-то характерно для подросткового возраста, отличающегося гормональными бурями, беспокойством о своей внешности, безответной любовью, пассионарностью в целом. То есть, по сути, это нормальный показатель эмоциональной реакции адекватного человека, который не может не проявлять эмоций как реакцию на психотравмирующую ситуацию. У подростков с тенденцией к высокому уровню враждебности *аффективность* статистически значимо выше, несмотря на то что находятся в зоне средних значений ($U = 452,000$; $p = 0,011$).

Средневыраженный *социальный пессимизм* мы видим в обеих группах респондентов. По мнению автора методики, этот фактор характеризует отрицательную концепцию окружающего мира, которая логически связана с фактором уникальности, слабовыраженным в данной группе, и поэтому не несет в себе какой-либо угрозы. Зная особенности подросткового возраста с отрицанием многих установок и правил, острым чувством справедливости, желанием бороться за свои права, можно констатировать тот факт, что отчасти мир ему будет казаться враждебным и несправедливым. Однако, судя по показателям, подростки не чувствуют себя вне этого мира. И если мы посмотрим на противоречие интрапунитивного и экстрапунитивного радикалов, заложенных в концепциях собственной личности и окружающего мира, то увидим, что внешний посыл концепции собственной личности будет выглядеть так – *Я не так уж и плох*, поэтому он не вступает в противоречие с концепцией окружающего мира. Экстрапунитивный радикал *Вы все меня недостойны* в данном случае менее радикален, т.е. подростки, оценивая себя достаточно позитивно, считают других все же партнерами для взаимодействия, несмотря на некие несовершенства мира, по их мнению.

Все это укладывается в формулу инфантильного максимализма ценностных установок. По шкале *максимализм* у подростков выборки зафиксирован средний показатель, т.е. если в какой-либо жизненной сфере личности произошел локальный конфликт, то его содержание не будет проецироваться, перемещаться, переноситься, транслироваться генерализованно на все сферы жизни. Подростки постараются решить проблему локально, для чего есть все возможности, об этом свидетельствуют низкие показатели по шкалам *демонстративность* и *уникальность*.

Слом культурных барьеров (слом культурных, духовно-нравственных табу) также представлен среднеуровневыми показателями, но в группе подростков с тенденцией к высокому уровню враждебности он статистически выше ($U = 500,500$; $p = 0,026$). Одна из потенциальных внутренних причин этого фактора – возведение в ранг максимальной смысловой установки на то, что человек сам вершит свою судьбу и сам решает, как с этой судьбой покончить. Но в обеих группах подростков такое воздействие практически нивелируется и не оказывает пагубного влияния на личность, что согласуется с высоким баллом по шкале *антисуицидальный фактор* (рис. 1). В основе антисуицидального фактора может быть

страх перед страданиями и болью, неэстетичность самого акта суицида, который нивелирует генерализованный суицидальный риск. Помимо этого, в антисуицидальный фактор включено и чувство ответственности перед близкими, жалость к ним, осознание, что человек-суицидент причинит родным невыносимые боль и страдания и т.д. В целом высокий показатель по шкале антисуицидального фактора – это возможность психокоррекционной работы с подростком, что создаст предпосылки избежать активации факторов суицидального риска с высокими показателями.

Следовательно, подростков со средним уровнем враждебности с тенденцией к высокому отличает более выраженная эмоциональная реакция на конфликт или травму, сомнения в своей состоятельности, компетентности, необходимости для других, склонности к культу смерти и оправданию самоубийств, сложности с конструктивным планированием и прогнозированием своего будущего. Различий между показателями *антисуицидального фактора* не выявлено, значит возможность для психокоррекционной работы существует в обеих группах исследования независимо от выраженности иных факторов в обеих группах респондентов.

Расчет корреляционного анализа методом Спирмена с целью выявления взаимосвязи между враждебностью и склонностью к суицидальному риску подростков выявил значимые корреляционные связи (рис. 2). Уровень враждебности положительно коррелирует с такими факторами суицидального риска, как *демонстративность* ($p < 0,001$), *аффективность* ($p < 0,001$), *уникальность* ($p = 0,002$), *несостоятельность* ($p < 0,001$), *слом культурных барьеров* ($p = 0,006$), *временная перспектива* ($p < 0,001$). Следовательно, мы можем утверждать, что рост враждебности связан с возрастанием демонстративного поведения, эмоциональных реакций у подростков в психотравмирующих ситуациях, ощущения своей особенности, исключительности и уникальности своих проблем и тягот, а также с ощущением некомпетентности, несостоятельности, ненужности, со склонностью идеализировать суицид и искать ему оправдание, со слабо развитой способностью планировать и прогнозировать будущее.

По результатам проведенного эмпирического исследования можно сделать следующие выводы:

1. Подавляющее большинство подростков обладают средним уровнем враждебности с тенденцией к низкому и с тенденцией к высокому уровню.

Рис. 2. Корреляционные плеяды между уровнем враждебности и факторами суицидального риска

Fig. 2. Correlation constellations between hostility level and suicide risk factors

2. В обеих группах высоко выражен антисуицидальный фактор, представляющий собой мощный психологический барьер, препятствующий реализации суицидальных намерений. Развитие антисуицидального фактора связано в первую очередь с пониманием ценности собственной жизни, пониманием, что суицид – не способ решения проблемы. Высоко развитый антисуицидальный фактор свидетельствует о выраженном страхе смерти, высокой значимости семейных связей и ответственности перед близкими, выраженными нравственными качествами.

3. В целом доказано, что подростки со средним уровнем враждебности с тенденцией к высокому обладают рядом особенностей, которые могут привести к возрастанию суицидального риска. Так, у данной группы подростков преобладают эмоциональные реакции над рациональным подходом, т.е. импульсивные аффективные состояния доминируют над осознанным контролем поведения, что создает благоприятную почву для формирования деструктивных паттернов поведения и затрудняет процесс адаптации к разным социальным ситуациям. Им в большей степени свойственна склонность к негативному самоотношению, т.е. они сомневаются в себе, своей компетентности, значимости для других, что приводит к самообесцениванию, снижению самооценки. Их отличает слабовыраженная способность к планированию и прогнозированию своего будущего, отсутствие жизненных перспектив, размытые цели и неспособность выстраивать долгосрочные стратегии, что может косвенно свидетельствовать о некотором экзистенциальном кризисе. Наиболее тревожным фактором является склонность подростков со средним уровнем

враждебности с тенденцией к высокому к позитивному восприятию смерти и потенциальному оправданию суицида, что свидетельствует о трансформации экзистенциальной фрустрации в опасные танатические интенции.

4. Доказано, что чем выше уровень враждебности, тем более выражены демонстративное поведение, доминирование аффективных реакций в психотравмирующих ситуациях, ощущение своей исключительности и уникальности личных проблем, а также личная несостоятельность и некомпетентность, склонность идеализировать и оправдывать суицид, способность планировать и прогнозировать будущее. Это указывает на то, что с ростом враждебности у подростков становится более выражена тенденция к романтизации смерти, стратегии привлечения внимания и манипулятивного реагирования становятся все более выраженными, растет импульсивность и установка на уникальность собственных трудностей и страданий, усиливается негативное отношение к себе и снижается способность ставить краткосрочные и долгосрочные цели.

Обсуждение

Результаты верифицируют гипотезу в рамках отечественных научных школ (К. А. Чистопольская, С. Н. Ениколопов; Г. С. Банников; А. Б. Холмогорова). Подтверждена роль враждебности как предиктора суицидального риска. Указанные авторы трактуют враждебность как комплекс установок, провоцирующий аутоагрессию, что согласуется с выявленной связью в нашем исследовании [Банников и др. 2018; Суботич, Холмогорова 2023; Чистопольская, Ениколопов 2025]. Полученные данные согласуются с концепцией Т. Joiner о враждебности как факторе приобретенной способности к суициду в рамках модели автора (враждебность → снижение страха смерти → рост суицидальной готовности) на основе межличностной психологической теории самоубийства [Joiner et al. 2009].

Н. А. Бохан и соавторы пришли к выводам, что для юношей в сравнении с девушками, совершивших попытки суицида, характерны проявления косвенной агрессии, подозрительности и враждебности [Бохан и др. 2018], что согласуется с результатами нашего исследования. Также авторы получили результаты, которые подтверждают преобладание эмоциональных реакций над рациональным мышлением у подростков, склонных к суицидальному поведению [Бохан и др. 2020]. М. И. Суботич

и А. Б. Холмогорова получили результаты, которые созвучны с выводами нашего исследования о слабо развитой способности планировать и прогнозировать будущее у подростков с суицидальным риском [Суботич, Холмогорова 2023]. Были получены результаты о наличии пробелов в суицидологических знаниях у родителей, а также выявлен высокий уровень запросов на повышение суицидологической компетентности и определение суицидальных факторов [Книжникова 2024].

Наши выводы о склонности к негативному самоотношению, сомнениях в своей компетентности, интересности и значимости для других соотносятся с профилем суицидентов, который характеризуется более низкими показателями по шкалам *потребность в одобрении, принятие родителями, социальная активность, самоконтроль поведения и самооффективность* в исследовании [Васягина, Шемпелева 2022].

В модели антивиталяного и суицидального поведения как комплексного явления наиболее значимым механизмом развития патологических процессов является влияние мыслительного компонента и импульсий как фактора инвалидизации самоубийств [Сагалакова и др. 2020].

Подростки с суицидальным поведением обладают фрустрационной ригидностью, которая выражается в неспособности личности решать трудности повседневной жизни и в аутодеструктивных паттернах [Дмитриева и др. 2015]. Склонность к саморазрушающему поведению взаимосвязана с фрустрацией потребности быть понятыми и принятыми другими людьми, что согласуется с нашими выводами о склонности к негативному самоотношению и сомнениям в своей интересности и значимости для других.

Подростки с высоким суицидальным риском субъективно воспринимают актуальную жизненную ситуацию как тяжелую, сталкиваясь с трудностями в межличностных отношениях, а также демонстрируют аутоагрессию и агрессию, которые являются психологическим фактором, повышающим риск суицидального поведения [Купченко 2018; 2020]. Данные заключения согласуются с нашим выводом об ощущении ненужности у подростка и в то же время исключительности, уникальности его проблем и тягот.

Заключение

Психологический профиль подростков со средним уровнем враждебности с тенденцией к высокому представляет сложную систему, где враждебность, возможно, порождает или усиливает аффективность,

негативное самоотношение (несостоятельность) и экзистенциальную неопределенность (временная перспектива), тем самым способствуя формированию суицидального риска. Однако даже при выраженности всех остальных факторов антисуицидальный фактор снимает глобальный суицидальный риск, что становится предпосылкой для психокоррекционной и профилактической работы. В связи с этим исследование имеет конкретное прикладное значение для системы образования, здравоохранения и социальной работы с подростками:

- оптимизация профилактических программ (целевой скрининг групп риска – ежегодное тестирование учащихся колледжей; разработка модульных тренингов – когнитивная переоценка неудач, направленная на снижение генерализации проблем (максимализм); упражнения на планирование будущего, направленные на расширение временного горизонта; техники эмоциональной саморегуляции, направленные на контроль импульсивных реакций);
- институциональные изменения в образовании (внедрение в учебные планы колледжей семинаров по формированию антисуицидальных барьеров с акцентом на религиозные и культурные факторы; системы экстренного реагирования при выявлении риска (протоколы взаимодействия педагог – психолог – кризисная служба); повышение компетентности педагогов);

- экономический и социальный эффект;
- научно-методический вклад (адаптация диагностических инструментов: валидация опросника Шмелева-Разуваевой для учащихся СПО (ранее использовался в основном в школах и вузах)).

Формирование теоретической модели взаимосвязей враждебности и факторов суицидального риска как результат подтверждения гипотезы может стать основой для новых исследований в регионах Российской Федерации.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Е. А. Азарова – концептуализация, теоретический анализ, сбор данных эмпирического исследования. М. А. Вышквыркина – сбор данных эмпирического исследования, анализ данных эмпирического исследования.

Contribution: E. A. Azarova developed the research concept, performed the theoretical analysis, and collected empirical research data. M. A. Vyshkvyrkina was responsible for empirical research data and analysis.

Литература / References

- Азарова Е. А. Девиации и аддикции: антропологический подход. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2016. 226 с. [Azarova E. A. *Deviations and addictions: Anthropological approach*. Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniia, 2016, 226. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xhzcgv>
- Банников Г. С., Вихристюк О. В., Федунина Н. Ю. Применение технологии выявления факторов риска развития суицидального поведения среди подростков и молодежи. *Психологическая наука и образование*. 2018. Т. 23. № 4. С. 91–101. [Bannikov G. S., Vikhristyuk O. V., Fedunina N. Yu. Applying the technique for screening the risks of suicidal behavior in adolescents and young people. *Psychological Science and Education*, 2018, 23(4): 91–101. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/pse.2018230409>
- Барканова О. В. Методики диагностики эмоциональной сферы: психологический практикум. Красноярск: Литера-Принт, 2009. Вып. 2. 237 с. [Barkanova O. V. *Methods of diagnosing of the emotional sphere: Psychological manual*. Krasnoyarsk: Litera-Print, 2009, iss. 2, 237. (In Russ.)]
- Басалаева Н. В., Захарова Т. В. Проблема суицидального поведения подростков: диагностика и профилактика. *Международный журнал экспериментального образования*. 2016. № 2-2. С. 329–333. [Basalaeva N. V., Zakharova T. V. The problem of suicidal behavior in adolescents: Diagnosis and prevention. *International Journal of Experimental Education*, 2016, (2): 329–333. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vowvxd>
- Бохан Н. А., Аболонин А. Ф., Мандель А. И., Назарова И. А., Стоянова И. Я. Агрессия и суицидальное поведение подростков в различных условиях социализации. *Суицидология*. 2018. Т. 9. № 2. С. 50–60. [Bokhan N. A.,

- Abolonin A. F., Mandel A. I., Nazarova I. A., Stoyanova I. Ya. Aggression and suicidal behavior of adolescents in various conditions of socialization. *Suicidology (Russia)*, 2018, 9(2): 50–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uvyhzk>
- Бохан Н. А., Воеводин И. В., Мандель А. И. Формирование суицидальности у молодых пациентов с аддиктивными и невротическими расстройствами: социально-психологические факторы риска и психотерапия. *Суицидология*. 2020. Т. 11. № 2. С. 66–81. [Bokhan N. A., Voevodin I. V., Mandel A. I. Formation of suicidality among the young patients with addictive and neurotic disorders: Social and psychological risk factors, and psychotherapy. *Suicidology (Russia)*, 2020, 11(2): 66–81. (In Russ.)] [https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-02\(39\)-66-81](https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-02(39)-66-81)
- Васягина Н. Н., Шемпелева Н. И. Представленность факторов риска и факторов защиты в социально-психологическом портрете личности подростка, обладающего высокой суицидальной активностью. *Педагогическое образование в России*. 2022. № 4. С. 170–178. [Vasyagina N. N., Shempeleva N. I. The representation of risk and protection factors in the socio-psychological portrait of the teenager's personality with high suicidal activity. *Pedagogical Education in Russia*, 2022, (4): 170–178. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kkjuea>
- Вихристук О. В. К вопросу о современных программах профилактики суицидального поведения подростков и молодежи (обзор некоторых зарубежных программ). *Социальные науки и детство*. 2020. Т. 1. № 1. С. 47–57. [Vihristyuk O. V. On the issue of modern programs for the prevention of suicidal behavior of adolescents and young people (review of some foreign programs). *Social Sciences and Childhood*, 2020, 1(1): 47–57. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/ssc.2020010104>
- Голенков А. В., Егорова К. А., Тайкина Я. Д., Орлов Ф. В. Самоубийства среди детей и подростков в России. *Суицидология*. 2023. Т. 14. № 4. С. 71–81. [Golenkov A. V., Egorova K. A., Taykina Ya. D., Orlov F. V. Suicides among children and adolescents in Russia. *Suicidology (Russia)*, 2023, 14(4): 71–81. (In Russ.)] [https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-04\(53\)-71-81](https://doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-04(53)-71-81)
- Гроголева О. Ю. Суверенность психологического пространства подростков как предиктор суицидального риска. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*. 2019. № 2. С. 25–31. [Grogoleva O. Yu. The sovereignty of adolescents' psychological space as a predictor of suicidal risk. *Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 2019, (2): 25–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/azxqpe>
- Диагностика личности, сост. Т. Н. Разуваева. Шадринск: Исет, 1993. 26 с. [Personality Diagnostics, comp. Razuvaeva T. N. Shadrinsk: Iset, 1993, 26. (In Russ.)]
- Дмитриева Н. В., Короленко Ц. П., Левина Л. В. Психологические особенности личности суицидальных подростков. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 1-1. С. 127–134. [Dmitrieva N. V., Korolenko Ts. P., Levina L. V. Psychological characteristics of suicidal teenager personality. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (1-1): 127–134. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tnklwt>
- Евseenкова Е. В. Факторы риска аутодеструктивного поведения у старших подростков. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2019. Т. 21. № 1. С. 74–86. [Evseenkova E. V. The risk factors of auto-destructive behavior in adolescents. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 74–86. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-74-86>
- Зотов П. Б. Психотерапия при суицидальном поведении: теоретические и клинические предпосылки. *Суицидология*. 2017. Т. 8. № 3. С. 53–62. [Zotov P. B. Psychotherapy of suicidal behavior: Theoretical and clinical premises. *Suicidology (Russia)*, 2017, 8(3): 53–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zhjvwz>
- Иванова С. А. Риски суицидального поведения у современных подростков. *Дни науки и инноваций НовГУ: XXVII науч. конф.* (Великий Новгород, 6–11 апреля 2020 г.) Великий Новгород: НовГУ, 2020. Ч. 1. С. 252–257. [Ivanova S. A. Present risks of juvenile suicidal behaviour. *Days of science and innovations of Novgorod State University: Proc. XXVII Sci. Conf.*, Veliky Novgorod, 6–11 Apr 2020. Veliky Novgorod: NovSU, 2020, pt. 1, 252–257 (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ykggya>
- Изард К. Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2021. 464 с. [Izard C. E. *The psychology of emotions*. St. Petersburg: Piter, 2021, 464. (In Russ.)]
- Карпова Н. В., Бархатова А. Ю. Коррекция суицидальных намерений у подростков. *Современные исследования социальных проблем*. 2014. № 2. [Karpova N. V., Barkhatova A. Yu. Correction of teenagers' suicide intentions. *Sovremennye issledovaniia sotsialnykh problem*, 2014, (2). (In Russ.)] <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2014-2-22>
- Книжникова С. В. Представления родителей о самоубийствах и запросы на повышение осведомленности в сфере профилактики суицидального поведения детей. *Интеграция образования*. 2024.

- Т. 28. № 3. С. 400–420. [Knizhnikova S. V. Parents' perceptions of suicide and requests for increased awareness in prevention of children's suicidal behavior. *Integration of Education*, 2024, 28(3): 400–420. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15507/1991-9468.116.028.202403.400-420>
- Короткова Е. В., Горюшкин Е. И. Причины суицида в современном обществе. *Агрессия и насилие как явления современного общества*: Междунар. науч.-практ. конф. (Курск, 21 декабря 2018 г.) Курск: КГМУ, 2018. С. 53–56. [Korotkova E. V., Goryushkin E. I. Causes of suicide in modern society. *Aggression and violence as phenomena of modern society*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Kursk, 21 Dec 2018. Kursk: KSMU, 2018, 53–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yxddrb>
- Кузнецова Л. Э., Дризгалина К. А. Влияние индивидуально-психологических особенностей личности на формирование склонности к суицидальному поведению подростков. *Гуманизация образования*. 2019. № 3. С. 24–35. [Kuznetsova L. E., Kuznetsova K. A. The influence of individual psychological characteristics of personality on the formation of suicidal behavior in adolescents. *Gumanizatsiia obrazovaniia*, 2019, (3): 24–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pfedhp>
- Кузнецова Л. Э., Руденко А. М. Психология личности. Новочеркасск: Лик, 2018. 114 с. [Kuznetsova L. E., Rudenko A. M. *Psychology of personality*. Novocherkassk: Lik, 2018, 114. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mfhoxg>
- Кузнецова С. О., Абрамова А. А., Ениколопов С. Н., Разумова А. В. Психологические особенности враждебности у больных с шизофренией, шизоаффективными и аффективными расстройствами. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2014. № 3. С. 92–103. [Kuznetsova S. O., Abramova A. A., Enikolopov S. N., Razumova A. V. Psychological characteristics of hostility in patients with schizophrenia, schizoaffective and affective disorders. *Lomonosov Psychology Journal*, 2014, (3): 92–103. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sksfsp>
- Купченко В. Е. Самоконтроль, агрессия, импульсивность подростков с различным суицидальным риском. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2018. Т. 24. № 4. С. 92–97. [Kupchenko V. E. Self-control, aggression, impulsiveness of adolescents with different suicide risk. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2018, 24(4): 92–97. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yvsrbj>
- Купченко В. Е. Социально-психологические предикторы суицидального риска у подростков. *Профилактика девиантного поведения детей и молодёжи: региональные модели и технологии*: II Междунар. науч.-практ. конф. (Ялта, 8–10 октября 2020 г.) Симферополь: Ариал, 2020. С. 374–384. [Kupchenko V. E. Socio-psychological predictors of suicide risk in adolescents. *Prevention of deviant behaviour in children and youth: Regional models and technologies*: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf., Yalta, 8–10 Oct 2020. Simferopol: Arial, 2020, 374–384. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jhayxa>
- Куттер П. Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психоанализ страстей. М.: София, 2004. 253 с. [Kutter P. *Love, hate, envy, jealousy. Psychoanalysis of passions*. Moscow: Sofia, 2004, 253. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxkcxk>
- Личко А. Е., Александров А. А. Суицидальное поведение подростков. *Клинико-психологические социальные и правовые проблемы суицидального поведения*: симпозиум. М.: НИИ психиатрии, НИИ МВД, 1974. С. 71–79. [Lichko A. E., Aleksandrov A. A. Suicidal behavior of adolescents. *Clinical, psychological, social and legal problems of suicidal behavior*: Proc. symposium. Moscow: Research Institute of Psychiatry, Research Institute of the Ministry of Internal Affairs, 1974, 71–79. (In Russ.)]
- Мальцев Е. С. Особенности суицидальных рисков у подростков. *Вестник магистратуры*. 2018. № 1-3. С. 141–142. [Maltsev E. S. Features of suicide risks in adolescents. *Vestnik magistratury*, 2018, (1-3): 141–142. (In Russ.)]
- Мэй Р. Сила и невинность: в поисках истоков насилия. М.: Винтаж, 2012. 224 с. [May R. *Strength and innocence: A search for the sources of violence*. Moscow: Vintag, 2012, 224. (In Russ.)]
- Положий Б. С. Концептуальная модель суицидального поведения. *Суицидология*. 2015. Т. 6. № 1. С. 3–7. [Polozhy B. S. Conceptual model of suicidal behavior. *Suicidology (Russia)*, 2015, 6(1): 3–7. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/trrsqr>
- Распопин Е. В. Психологическая диагностика и коррекция суицидального риска. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2019. 67 с. [Raspopin E. V. *Psychological diagnostics and correction of suicidal risk*. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of the Internal of Russia, 2019, 67. (In Russ.)]
- Руженкова В. В., Руженков В. А. Суицидальное поведение в подростковом и юношеском возрасте. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Медицина. Фармация*. 2011. № 22.

- C. 26–32. [Ruzhenkova V. V., Ruzhenkov V. A. Suicidal behaviour in adolescent and junior ages. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Meditsina. Farmatsiia*, 2011, (22): 26–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zumrvl>
- Сагалакова О. А., Жирнова О. В., Труевцев Д. В., Бохан Н. А., Стоянова И. Я., Брель Е. Ю. Психологические факторы формирования суицидального поведения при обсессивно-компульсивном и социальном тревожном расстройстве. *Суицидология*. 2020. Т. 11. № 2. С. 82–100. [Sagalakova O. A., Zhirnova O. V., Truevtsev D. V., Bokhan N. A., Stoyanova I. Ya., Brel E. Yu. Psychological factors of suicidal behavior formation in obsessive-compulsive and social anxiety disorder. *Suicidology (Russia)*, 2020, 11(2): 82–100. (In Russ.)] [https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-02\(39\)-82-100](https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-02(39)-82-100)
- Суботич М. И., Холмогорова А. Б. Когнитивные и поведенческие факторы хронификации суицидального поведения. *Неотложная медицинская помощь. Журнал им. Н. В. Склифосовского*. 2023. Т. 12. № 3. С. 397–405. [Subotich M. I., Kholmogorova A. B. Cognitive and behavioral factors in the chronification of suicidal behavior. *Russian Sklifosovsky Journal of Emergency Medical Care*, 2023, 12(3): 397–405. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23934/2223-9022-2023-12-3-397-405>
- Сухинин А. В., Яковлева О. А. Суицидальное поведение и его социально-психологический анализ. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция*. 2012. № 1. С. 148–154. [Sukhinin A. V., Yakovleva O. A. Suicidal behavior and its social and psychological assay. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Iurisprudentsiia*, 2012, (1): 148–154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nornwg>
- Узлов Н. Д., Семенова М. Н. Игра, трансгрессия и сетевой суицид. *Суицидология*. 2017. Т. 8. № 3. С. 41–53. [Uzlov N. D., Semenova M. N. Game, transgression and network suicide. *Suicidology (Russia)*, 2017, 8(3): 41–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zhjvwp>
- Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2016. 618 с. [Fromm E. *Anatomy of human destructiveness*. Moscow: ACT, 2016, 618. (In Russ.)]
- Чистопольская К. А., Ениколопов С. Н. Страх смерти и суицидальный цикл: опорные точки и возможности безопасного выхода из замкнутого круга. *Консультативная психология и психотерапия*. 2025. Т. 33. № 1. С. 170–183. [Chistopolskaya K. A., Enikolopov S. N. Fear of death and suicidal cycle: Checking points and possibilities for an exit out of the vicious circle. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, (2025), 33(1): 170–183. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpp.2025330111>
- Шир Е. Суицидальное поведение у подростков. *Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова*. 1984. № 10. С. 56–59. [Shir E. Suicidal behavior in teenagers. *Zhurnal nevropatologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova*, 1984, (10): 56–59. (In Russ.)]
- Шнейдман Э. Душа самоубийцы. М.: Смысл, 2001. 315 с. [Shneidman E. *The suicidal mind*, 2001, 315. (In Russ.)]
- Barefoot J. C. Developments in the measurement of hostility. *Hostility, coping and health*, ed. Friedman H. S. Washington: American Psychological Association, 1992, 13–31. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/10105-001>
- Beautrais A. L. Suicide and serious suicide attempts in youth: A multiple-group comparison study. *American Journal of Psychiatry*, 2003, 160(6): 1093–1099. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.160.6.1093>
- Bellman V., Namdev V. Suicidality among men in Russia: A review of recent epidemiological data. *Cureus*, 2022, 14(3). <https://doi.org/10.7759/cureus.22990>
- Bridge J. A., Goldstein T. R., Brent D. A. Adolescent suicide and suicidal behavior. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2006, 47(3-4): 372–394. <https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.2006.01615.x>
- Buss A. H., Durkee A. An inventory for assessing different kinds of hostility. *Journal of Consulting Psychology*, 1957, 21(4): 343–349. <https://doi.org/10.1037/h0046900>
- Campisi S. C., Carducci B., Akseer N., Bhutta Z. A., Zasowski C., Szatmari P. Suicidal behaviours among adolescents from 90 countries: A pooled analysis of the global school-based student health survey. *BMC Public Health*, 2020, 20(1). <https://doi.org/10.1186/s12889-020-09209-z>
- Cha C. B., Franz P. J., Guzmán E. M., Glenn C. R., Kleiman E. M., Nock M. K. Annual research review: Suicide among youth – epidemiology, (potential) etiology, and treatment. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 2018, 59(4): 460–482. <https://doi.org/10.1111/jcpp.12831>

- Diamond G. S., Wintersteen M. B., Brown G. K., Diamond G. M., Gallop R., Shelef K., Levy S. Attachment-based family therapy for adolescents with suicidal ideation: A randomized controlled trial. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 2010, 49(2): 122–131. <https://doi.org/10.1097/00004583-201002000-00006>
- Joiner T. E. Jr., Van Orden K. A., Witte T. K., Rudd M. D. *The interpersonal theory of suicide: Guidance for working with suicidal clients*. Washington, DC: American Psychological Association, 2009, X+246.
- Hawton K., Saunders K. E. A., O'Connor R. C. Self-harm and suicide in adolescents. *The Lancet*, 2012, 379(9834): 2373–2382. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(12\)60322-5](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(12)60322-5)
- Miranda-Mendizabal A., Castellví P., Parés-Badell O., Alayo I., Almenara J., Alonso I., Blasco M. J., Cebrià A., Gabilondo A., Gili M., Lagares C., Piqueras J. A., Rodríguez-Jiménez T., Rodríguez-Marín J., Roca M., Soto-Sanz V., Vilagut G., Alonso J. Gender differences in suicidal behavior in adolescents and young adults: Systematic review and meta-analysis of longitudinal studies. *International Journal of Public Health*, 2019, 64(2): 265–283. <https://doi.org/10.1007/s00038-018-1196-1>
- Smith T. W. Hostility and health: Current status of a psychosomatic hypothesis. *Health Psychology*, 1992, 11(3): 139–150. <https://doi.org/10.1037//0278-6133.11.3.139>
- Van Orden K. A., Witte T. K., Cukrowicz K. S., Braithwaite S. R., Selby E. A., Joiner T. E. Jr. The interpersonal theory of suicide. *Psychological Review*, 2010; 117(2): 575–600. <https://doi.org/10.1037/a0018697>